

УДК 27:821.161
ББК 87.3(2)522-685

Наталья Юрьевна Грякалова

Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук, доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник, Россия, Санкт-Петербург, e-mail: natura3@yandex.ru, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-6003-3475>

«...сама по себе»: Поликсена Соловьева и «соловьевство»

Аннотация. Представлен литературный портрет писательницы Поликсены Соловьевой (Allegro) (1867–1924), младшей сестры знаменитого философа, в контексте рецепции наследия В.С. Соловьева в творчестве «младших» символистов и деятелей «неохристианского» движения. Отдельное внимание уделено повести «Небывалая» (1912 г.), которая является поздней полемической репликой на софиологию Соловьева и его религиозно-эротическую утопию с позиций модернистского жизнотворчества и саморефлексии. Подчеркнуто, что интерес к творчеству писательницы актуализировался на рубеже XX–XXI веков на волне популярности гендерной теории и феминистских концепций, когда важное место заняли исследования феноменов женского авторства и женского письма. Рассматриваются обстоятельства, связанные с выступлениями Соловьевой в Санкт-Петербургском Религиозно-философском обществе, посвященными памяти философа: реакция ближайшего окружения, медийное освещение. Впервые публикуется полный текст доклада «Несколько слов о моем брате Вл. Соловьеве», с которым она выступила на собрании Религиозно-философского общества 19 января 1913 г. В научный оборот вводятся и другие архивные материалы, что позволяет восполнить существующие лакуны в творческой и личной биографии писательницы.

Ключевые слова: «младшие» символисты, модернистское жизнотворчество, рецепция творческого наследия В.С. Соловьева, религиозно-эротическая утопия, Санкт-Петербургское Религиозно-философское общество

Nataliya Jur'evna Gryakalova

Institute of Russian Literature (Pushkinskiy Dom), Russian Academy of Sciences, Doctor of Philology, Professor, Chief Researcher, Russia, Saint-Petersburg, e-mail: natura3@yandex.ru

“...by myself”: Poliksena Solovyova and “solovyevism”

Abstract. The article is devoted to the poetess and writer Poliksena Solovyova (Allegro) (1867–1924), the younger sister of the famous philosopher. Her literary portrait is presented in the context of the reception of V.S. Solovyov’s legacy by the “younger” generation of symbolists and the circle of figures of the “neo-christian” movement. Special attention is paid to Solovyova’s story “Unprecedented” (1912), which is, as shown in the article, a late polemical response to Solovyov’s sophiology and his religious and erotic utopia from the standpoint of modernist life-creation and self-reflection. It is emphasized that interest in the writer’s work was actualized at the turn of the 20th and 21st centuries on the wave of popularity of gender theory and feminist concepts, when an important place was occupied by studies of the phenomena of female authorship and women’s writing. The article examines the circumstances surrounding Solovyova’s speeches at the St. Petersburg Religious and Philosophical Society, dedicated to

the memory of the philosopher: the reaction of her immediate circle, media coverage. For the first time, the full text of the report “A Few Words about My Brother Vl. Solovyov”, which she delivered at a meeting of the Religious and Philosophical Society on January 19, 1913, is published. The author of the article also introduces other archival materials into scientific circulation, which fills the existing gaps in the writer’s creative and personal biography.

Key words: “younger” symbolists, modernist life-creation, reception of V.S. Solovyov’s creative heritage, religious and erotic utopia, Religious and Philosophical Society in Saint-Petersburg

DOI: 10.17588/2076-9210.2025.2.043-056

16 августа 1924 года после длительной болезни и перенесенной тяжелой операции в московской больнице в возрасте 57 лет скончалась Поликсена Сергеевна Соловьева, самая младшая представительница многочисленной и одаренной талантами семьи историка С.М. Соловьева. И хотя в восприятии современников она была заслонена тенью своего знаменитого брата-философа, ей удалось не затеряться в многолюдье эпохи Серебряного века, более того – стать заметной фигурой литературной жизни Петербурга 1900–1910-х годов. Выступавшая в печати под псевдонимами Allegro и Алексей Меньшов, автор нескольких поэтических сборников и книги рассказов, переводчица, художник-график, детская писательница, издательница (совместно с Н.И. Манасеиной) первого художественного журнала для детей «Тропинка», Поликсена Соловьева внесла существенную лепту в развитие той «платонической» линии русской поэзии и прозы, по преимуществу символистской, которая напрямую восходит к метафизике В.С. Соловьева². Сходство со старшим братом во внешности, манере поведения, специфическом чувстве юмора (способность «неостро “острить”») – «общее место» словесных портретов Поликсены Соловьевой, воссозданных мемуаристами³. «По-соловьёвски страстная, скрытная – и прямая, она была религиозна как-то... непоколебимо и точно

² Подробную литературную биографию П.С. Соловьевой см.: Глебов Ю.И., Сапожков С.В. Соловьева Поликсена Сергеевна // Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь. М.: Большая Российская энциклопедия, 2007. Т. 5. С. 759–762 [1]; см. также: Купченко В. «И где слагала стих Allegro...»: Крымские годы Поликсены Соловьевой // Крымский альбом: историко-краеведческий и литературно-художественный альманах. Феодосия; М.: Коктебель, 1996. Вып. 1. С. 218–226 [2]; о Соловьевой как художнике-графике см.: Шапошников М.Б. Кочевники красоты. М.: Бослен, 2016. С. 37–71 [3].

³ См., например: Соловьев С. Воспоминания. М.: Новое литературное обозрение, 2003. С. 71–73 [4]; Гиппиус З. Поликсена Соловьева // Гиппиус З. Собр. соч.: в 15 т. М.: Изд. «Дмитрий Сечин», 2012. Т. 13. С. 408–416 [5]; Волошина М. (Сабашникова М.В.). Зеленая Змея. История одной жизни / пер. с нем. М.Н. Жемчужниковой. М.: Энигма, 1993. С. 142 [6]. Подчеркнуто шаржированный портрет Поликсены Соловьевой (Сены) дан Андреем Белым (см.: Белый Андрей. Начало века. М.: Худож. лит., 1990. С. 150–154 [7]). Ср. эпиграмму Н.М. Минского, адресованную журналу «Вестник Европы», начало сотрудничества в котором Соловьевой (1900 г.) совпало со смертью философа: «Устроил с Богом ты невыгодную мену, / Владимира отдав и взявши Поликсену» (см.: Русская эпиграмма (XVIII – начало XX века). Л.: Сов. писатель, 1988. С. 457 [8]).

насквозь. Никогда о религиозных вопросах не говорила; даже о брате Владимире с этой стороны, – замечает, например, З. Гиппиус. – <...> У нее был тонкий литературный вкус и способность к легкому стихосложению... Владимир тоже обладал этой способностью. ...между ними было немало черт сходства, – полувнешних, у Поликсены смягченных: в склонности к юмору, к постоянным островам (хотя бы неудачным), даже громкий смех Поликсены чуть-чуть напоминал братнин» [5, с. 414, 415]⁴. С.М. Соловьев, племянник философа, его биограф и историограф соловьевского рода в нескольких поколениях, запечатлел более проникновенный образ «тети Сень»: «Во многом и существенном она более других членов семьи напоминала Владимира Соловьева: мужественным, мажорным характером, смехом, остроумием, каламбурами, а главное, проходящей сквозь все ее творчество верой, что "все, кружась, исчезает во мгле, неподвижно лишь солнце любви"» [10, с. 42]⁵.

Для «младших» символистов, к кругу которых в ранней юности принадлежал и будущий биограф философа, было значимо не столько кровное, сколько духовное родство Соловьевой с тем, кого они чтили как поэта-теурга, провозвестника грядущего преображения мира. Свою рецензию на второй поэтический сборник Аллегро «Иней» (1905 г.)⁶, претендующую на мистическую проникновенность, А. Блок завершал цитатой из «программного» для «соловьевцев» стихотворения «старшего» поэта «Июньская ночь на Сайме» (1896 г.), придавая преемству «по духу» медиумический смысл:

Знаю, – в утро осеннее, бледное,
Знаю, – в зимний закат ледяной
Прозвучит это слово победное
И его повторишь ты за мной! [11, с. 159]

На литературную родословную поэтессы, ее органичное «соловьевство» обратит внимание и Вяч. Иванов: он отметит «семейное сходство с музою Владимира Соловьева», правда, поначалу эта особенность оценивалась им скорее

---

⁴ Ср. автобиографическое свидетельство самой Соловьевой (1916 г.): «Вся моя семья была очень религиозна, начиная с отца. Религиозность матери моей была глубокая, горячая и жизненная... <...> Мои немногие разговоры с братом Владимиром, в которых вопрос шел о религии, производили на меня глубокое впечатление и запоминались навсегда. Чувствовалось ясно, что говоришь с человеком, не *верующим* только, но *знающим*» (см.: Соловьева П. Автобиографическая заметка // Русская литература XX века. 1890–1910 / под ред. проф. С.А. Венгерова; послесл., подгот. текста А.Н. Николюкина. М.: Республика, 2004. С. 503 [9]).

⁵ В «Воспоминаниях» (см. примеч. 2), написанных уже после смерти Поликсены, С.М. Соловьев усилил критические ноты в ее характеристике.

⁶ Всего у Соловьевой вышло в свет пять стихотворных сборников: «Стихотворения: С виньетками авт.» (СПб.: Тип. М. Акинфиева и И. Леонтьева, 1899); «Иней: Рисунки и стихи» (СПб.: Изд. т-ва Р. Голике и А. Вильборг, 1905); «Плакун-трава» (СПб.: [Б.и.], 1909); «Вечер» (СПб.: Тропинка, 1914); «Последние стихи: Рис. Н. Ушаковой» ([М.]: Госиздат, 1923) и повесть в стихах «Перекресток» (СПб.: Кн-во «Тропинка», 1913).

негативно, как «литературность» и «старомодность»⁷. Данный тезис будет впоследствии развит теоретиком реалистического символизма уже в иной тональности, с вниманием к рецепции соловьевского наследия – литературного, философского, духовного. В апологетической статье «Поликсена Соловьева (Allegro) в песне и думе» (1916 г.), образце художественного анализа творчества поэтессы с символистских позиций, «соприродность лирического самочувствия» поэта-философа и его младшей сестры критик концептуализировал следующим образом: «... отчетливое различие в переживаемом преходящего и сущего, в личности – “души” и “духа”, созерцание жизни, как “горного пути”, сознание своей “неизменности” в деле духовного восхождения, при изначальной решимости идти ввысь, невзирая на смертельную усталость, – исповедание единой неколебимой веры-верности, эротический пафос столь же неуклонной, как эта вера, любви и, наконец, платоническое углубление последней, ее возрастание из психологической сферы в онтологическую...» [13, с. 509]. Адепту «нового Эроса» близка «лирическая проповедь» теургической цели любовного союза, как и жизнотворческая установка Поликсены Соловьевой на «преображение личной любви в гранях личной жизни»⁸, в чем, опять-таки, видится унаследованная связь с воззрениями философа, с его учением о «смысле любви». Наиболее убедительную иллюстрацию этого сродства мирозерцаний критик находил в повести «Небывалая», оценивая ее в ряду достижений русской прозы.

Прозу Поликсены Соловьевой – корпус ее невелик: повесть и пять рассказов⁹ – отличает удивительная «однострунность». Автор, выступая под мужской или гендерно нейтральной повествовательной маской и тем самым моделируя свой «пограничный» статус как субъекта повествования, развивает одну единственную тему – «любви небывалой», ее «тайной правды». Неосуществимость «третьего пути» в любви в границах соловьевской метафизики – центр идеологической концепции повести «Небывалая», заглавие которой манифестирует символистскую устремленность к тому, «чего нет на свете». Повесть является поздней полемической репликой на софиологию Соловьева, уже с позиций модернистского жизнотворчества и саморефлексии, беллетризацией ее

⁷ Рецензия на сборник «Иней», настойчиво предлагавшаяся журналу «Весы», в нем так и не появилась, поскольку был опубликован отзыв В. Брюсова, более критичный (Весы. 1905, № 8); впервые: Обатнин Г.В. Заметки комментатора // Новое литературное обозрение. 1994. № 10 (Историко-литературная серия. Вып. 1: Вячеслав Иванов: Материалы и публикации / сост. Н.В. Котрелев). С. 293 [12].

⁸ См.: Иванов Вяч. Поликсена Соловьева (Allegro) в песне и думе // Русская литература XX века. 1890–1910 / под ред. проф. С.А. Венгерова; послесл., подгот. текста А.Н. Николоюкина. М.: Республика, 2004. С. 506 [13].

⁹ Соловьева П. (Allegro). Тайная правда и другие рассказы. СПб.: Издание т-ва М.О. Вольф, 1912 [14]. Рассказы ранее печатались в символистской периодике, повесть, работа над которой была начата в 1903 г., публиковалась впервые в письме к А.М. Калмыковой от 21 апреля 1912 г. Соловьева подчеркивала «выношенность» повести, кровную, «материнскую» связь с ней: «“Небывалая” выношена мною не девять месяцев, а девять лет, и я не могу отделить себя от нее» (см.: Соловьева П.С. Письма к А.М. Калмыковой // РГАЛИ. Ф. 258. Оп. 3. Ед. хр. 126. Л. 13 об.–14 [15]).

отдельных положений с проекцией на религиозно-эротическую утопию философа в целом¹⁰. Обратим внимание, что интерес к творчеству Поликсены Соловьевой актуализировался на рубеже XX–XXI веков. В те годы на волне популярности гендерной теории и феминистских концепций важное место заняли исследования феноменов женского авторства и женского письма, а также механизмов конструирования идентичностей в разные периоды истории культуры. Неординарная творческая личность эпохи *fin de siècle*, смело нарушающая общественные табу, прежде всего гендерные стереотипы – от дресс-кода до сферы личной жизни, избравшая маскулинные формы авторской презентации, стала вдохновляющим объектом для целого ряда исследований¹¹. Однако указанный подход, будучи востребованным в ситуации постмодерна, не исключает и других интерпретационных возможностей, открывающихся при обращении к историко-литературному контексту и новым биографическим материалам.

Но вернемся к повести. Протагонист рассказанной Поликсеной Соловьевой истории, Александр Петрович Границын, – фигура прототипическая, подчеркнута аллюзийная. Реминисценции, биографические и литературные, легко считываются и выстраиваются в сюжетную последовательность, которая коррелирует с «текстом жизни» философа. Границын – сын известного и уважаемого профессора, философ идеалистического направления, его статьи «Голод», «Страх и свобода»¹² оживленно обсуждаются в обществе, своими публицистическими выступлениями и полемикой с позитивистами он «нажил себе множество врагов»¹³. Он склонен к визионерству, переживает «кошмары наяву», погружен в

¹⁰ Подробнее о «декадентском утопизме» и влиянии на него воззрений Вл. Соловьева см.: Матич О. Эротическая утопия: новое религиозное сознание и *fin de siècle* в России. М.: Новое литературное обозрение, 2008 [16]. О прозе Поликсены Соловьевой в данном аспекте см.: Cooper N.L. Secret Truths and Unheard-of Women: Poliksena Solovyova's Fiction as Commentary on Vladimir Solovyov's Theory of Love // *The Russian Review*. 1997. Vol. 56, № 2. P. 178–191 [17].

¹¹ См., например, остающуюся единственной монографию (диссертация) швейцарской исследовательницы: Binswanger Ch. Seraph, Carevič, Narr: Männliche Maskerade und weibliches Ideal bei Polixena Solowjowa (Allegro). Bern [et al.]: Peter Lang Verlag, 2003. (Slavica Helvetica; Bd. 68) [18], а также диссертационное исследование К. Эконен, где (жизне)творчество писательницы, в том числе повесть «Небывалая», анализируется с точки зрения символистской гендерной эстетики с акцентом на категории «фемининного»: Эконен К. Творец, субъект, женщина: стратегии женского письма в русском символизме. Univ. of Tampere, 2009. С. 266–297 [19] (перезд.: М.: НЛЮ, 2011); см. также: Спендель Д. Строительницы струн: женщина, творчество, литература. СПб.: Петербург-XXI век, 2007. С. 39–53 [20].

¹² Статей с такими названиями у Соловьева нет, однако аллюзии очевидны: философ откликнулся несколькими печатными выступлениями («Наш грех и наша обязанность», «Народная беда и общественная помощь», «Враг с Востока», «Мнимые и действительные меры к подъему народного благосостояния», «Кто прозрел?») на катастрофическую ситуацию, вызванную неурожаем лета 1891 г., упрекая русское общество в пассивности при ликвидации его последствий и предлагая меры по организации помощи голодающим; проблема свободы воли – одна из важнейших в метафизических построениях и этических воззрениях философа. В тексте есть также отсылки к циклу статей «Смысл любви» и «Жизненной драме Платона», о чем см.: Cooper N.L. Op. cit. P. 183–185.

¹³ См.: Соловьева П. (Allegro). Тайная правда и другие рассказы. С. 92.

мысли о «вечных вопросах», о поисках «третьего пути» в любви, что предполагает отказ от аскетизма, но также и от «темного сладострастия», он противник прокреативного брака («рождения в смерть») и проповедник преображенного Эроса: «В любви рабство, падение, проклятие; и в ней же, именно в ней – освобождение, воскресение и спасение. Поймите, каждый может принять участие в пересоздании любви. И, пересоздав ее теперешнее безобразие в красоту, мы изменим всю жизнь» [14, с. 94–95]. Образный строй его речей метафоричен и насыщен мифологемами (борьба с драконом, искусы неверия, исходящие от беса: «серый, бесформенный», с «отвратительным смешком») ¹⁴. Он делит свою жизнь между Петербургом и Москвой, а приезжая туда, останавливается не иначе как в «Славянском базаре» (в этой гостинице, как известно, Соловьев провел свою последнюю ночь в Москве). Границын пишет теоретическую статью «О любви», и по мере ее создания, возникает и развивается платонический роман с Софией Александровной Кунде (ср. нем. *Kunde* – известие, весть; *kundig* – сведущий, знающий, осведомленный). Она замужем, пережила смерть ребенка, отношение к ней героя повествования порой окрашивается скрытой «огненной радостью» чувственной любви, что служит причиной внутренней дисгармонии между персонажами, поскольку противоречит провозглашаемой Границыным концепции «новой любви». Статья, с фрагментами которой он знакомит возлюбленную, формирует метатекст сюжета: когда статья завершена, София бесследно исчезает, оказываясь галлюцинацией Границына. Или фантазмом творческого воображения, проекцией умозрительной – софийной – метафизической конструкции. Вместе с Софией Кунде исчезают и локусы, отмеченные ее присутствием, что коррелирует с общим дискурсом утопии (место, которого нет). Инструментарий символистской поэтики поддерживает иллюзию «двоемирия», в том числе за счет семантического потенциала метафор «завесы», «сквожения», «прозрачности» (ср.: образы сгущающихся сумерек, метели, миражных петербургских пространств, вуаль и жемчужно-серые оттенки струящихся одежд Софии). «Грани» между двумя планами повествования – реальным, миметически воспроизводящим действительность, и ирреальным, репрезентирующим фантомы сознания, – взаимопроницаемы и не поддаются верификации.

Развернутого мемуарного повествования о брате Поликсена Соловьева не оставила, в отличие от сестры, М.С. Безобразовой, опубликовавшей в 1908 г. в журнале «Минувшие годы» свои воспоминания. На них откликнулся Д.С. Мережковский известной статьей «Немой пророк» (1908 г.), отметив ценность биографического свидетельства на фоне «нищенской скудости сведений о жизни и личности покойного писателя» ¹⁵. При жизни брата Поликсена в публичном дискурсе избегала демонстрации родственных связей и впервые подробно рассказала о роли братьев в своем литературном становлении только в 1911 г.,

¹⁴ См.: Соловьева П. (Allegro). Тайная правда и другие рассказы. С. 93, 136,

¹⁵ См.: Мережковский Д.С. Немой пророк // Мережковский Д.С. В тихом омуте. СПб., 1908. С. 259 [21].

в автобиографии, написанной для предпринятого Ф.Ф. Фидлером издания «Первые литературные шаги»¹⁶. До этого направляя, например, 27 февраля 1900 г. краткую автобиографическую заметку (от третьего лица) А.Н. Сальникову для «врезки» в составляемую им поэтическую антологию, она ограничилась лишь упоминанием отца («дочь историка С.М. Соловьева») и скупым замечанием: «Стихи начала писать с раннего детства, и первое стихотворение было напечатано в "Ниве" в 1885 г.» [23, л. 7]¹⁷ – именно эти эпизоды получают в дальнейшем повествовательное развитие¹⁸. В репрезентативной антологии по праву занял свое место и Соловьев-поэт, что же касается портрета, то его получению способствовала Поликсена, о чем свидетельствует ее письмо к тому же корреспонденту – характерный «штрих» к повседневному образу философа.

17 марта <1900 г.>

Многоуважаемый
Александр Николаевич,

Посылаю Вам свой портрет, снятый у Здобнова. Все находят, что он необыкновенно удачен. Что касается брата, то я, каждый раз как вижу его, напоминаю ему, чтобы он снялся, и он каждый раз отвечает: «Неприменно снимусь». Вероятно, увижу его сегодня вечером и опять напомню. – До свиданья.

П. Соловьева¹⁹.

Вероятно, в тот период Поликсена не осознавала всего масштаба личности философа, иначе как можно объяснить столь недалекое отношение к адресованным ей письмам брата, в чем она с сожалением признавалась в 1907 г. Э.Л. Радлову, приступившему к собранию и изданию обширнейшей эпистолярной части наследия мыслителя:

<На бланке журнала «Тропинка»>
Ноября 9 дня 1907 г.

Многоуважаемый
Эрнест Львович,

Конечно, я не могу ничего иметь против издания писем моего брата и готова всячески Вам содействовать в этом деле, но Вы вероятно знаете, что наследником его является мой племянник, Сергей Михайлович Соловьев.

¹⁶ Поликсена Сергеевна Соловьева (Allegro) // Первые литературные шаги: автобиографии современных русских писателей / сост. Ф.Ф. Фидлер. М.: тип. т-ва И.Д. Сытина, 1911. С. 91–94 [22].

¹⁷ Биографическая заметка была опубликована в изложении составителя и, в соответствии с общей структурой издания, предваряла подборку стихов (см.: Русские поэты за сто лет (с пушкинской эпохи до наших дней) в портретах, биографиях и образцах: сборник лучших лирических произведений русской поэзии (с 119 портретами) / сост. А.Н. Сальников. СПб.: Изд. В.И. Губинского, 1901. С. 441–443 [24]).

¹⁸ Ср. особенно: Соловьева П. Автобиографическая заметка. С. 500–504.

¹⁹ РО ИРЛИ. Ф. 357. Оп. 5. Ед. хр. 109. Л. 5–5 об.

Я думаю, что надо к нему обратиться с этим вопросом. Адрес его: Москва, Мертвый переулок, дом Александрова-Дольник.

У меня, к сожалению, не сохранилось ни одного письма брата: я имела прежде обыкновение уничтожать все письма «по принципу», как говорила одна дама. Теперь очень об этом сожалею.

До свиданья, повторяю, что сделаю все возможное и с большим удовольствием, чтобы помочь Вам.

П. Соловьёва²⁰.

Отсутствие публикаций мемуарного характера Поликсена Соловьёва отчасти компенсировала устными выступлениями. Такая возможность представилась в десятую годовщину смерти философа. По этому поводу в Петербурге состоялись два памятных вечера. Один был организован Литературным фондом и прошел 14 декабря 1910 г. в концертном зале Тенишевского училища. Газета «Речь» опубликовала его программу: «По случаю недавно случившегося десятилетия со дня кончины нашего знаменитого писателя-философа Владимира Сергеевича Соловьёва литературный фонд устраивает вечер 14 декабря, в концертном зале Тенишевского училища. Вступительное слово скажет Ф.Д. Батюшков, Вячеслав Иванов сделает доклад о Владимире Соловьёве как религиозном мыслителе, “Несколько слов о Вл. Серг. Соловьёве” скажет сестра покойного философа П.С. Соловьёва (Allegro), “Воспоминания о Вл. Соловьёве” сообщит академик Н.А. Котляревский, А.А. Блок прочтет свое произведение “Рыцарь-монах”, посвященное Вл. Соловьёву. Затем будут прочитаны артистами и артистками Императорского Александринского театра стихотворения Вл. Соловьёва» [26, с. 4]²¹. Все анонсированные участники выступили, кроме заболевшего Н.А. Котляревского. Общую атмосферу вечера передает меланхоличная зарисовка Блока в письме к матери: «Соловьёвский вечер прошел вяло, так что лучше бы его не было. Нагнали актрис, а потом сами жалели. Я демонстративно ушел от чтения Мусиной из первого ряда, и Ведринскую не стал слушать. Я начал второе отделение, думал все время, как бы выпить чаю и промочить горло. Публика, встретившая и проводившая хлопками, не понимала или пряталась в себя, так что я стал сокращать. Единственно хороша была Поликсена Сергеевна» [27, с. 106]²².

²⁰ См.: Соловьёва П.С. Письма к Э.Л. Радлову // РО ИРЛИ. Ф. 252. Оп. 2. Ед. хр. 1488. Л. 5–6 [25]. В следующем письме от 11 декабря 1907 г. она предлагала свое содействие: «Как дела с письмами брата? У моей сестры, я знаю, хранится переписка брата с А.Ф. Аксаковой. Если хотите я напишу и узнаю о ней» (Там же. Л. 7–7 об.). Речь идет о М.С. Безобразовой.

²¹ По-видимому, Соловьёва колебалась в формулировке темы доклада, например, в более ранней корреспонденции указывалось: «...сестра покойного П.С. Соловьёва изложит теорию любви Вл<адимира> Серг<евича>» (см.: Речь. 1910. 5 (18) дек. № 334).

²² См. доклад Блока «Рыцарь-монах» и комментарии к нему: Блок А.А. Рыцарь-монах // Блок А.А. Полн. собр. соч.: в 20 т. Т. 8: Проза (1908–1916). М.: Наука, 2010. С. 136–142 и 427–433 [28].

По газетным отчетам можно отчасти реконструировать содержание выступления Соловьевой, взявшей слово сразу после Блока. Поскольку текст ее доклада неизвестен, имеет смысл привести краткое резюме анонимного хроникера: «...сестра покойного философа П.С. Соловьева говорила о взглядах Владимира Сергеевича на смерть и любовь. Для Соловьева жизнь и смерть были только различным стадиями существования, ведущего к одной цели. Для него смерть была священным актом, переходом в новое радостное состояние.

Он как-то пророчески предчувствовал смерть близких людей. Насильственную смерть Вл. Соловьев осуждал всеми силами своей души, на смертную казнь он смотрел как на величайшее кощунство. Он находил, что человек не имеет права лишать жизни не только другого, но и себя.

Г-жа Соловьева прочитала два стихотворения Вл. Соловьева, в которых наиболее ярко вылились его мысли о смерти и любви: «На смерть А. Майкова» и «Не по воле судьбы» [29, с. 5].

19 января 1911 г. прошло закрытое заседание Санкт-Петербургского Религиозно-философского общества (РФО), членом которого Соловьева являлась. Было заслушано четыре сообщения: Блок, Вяч. Иванов и П. Соловьева повторили свои декабрьские выступления, Б.Ф. Кутыловский высказался об отношении философа к национальному вопросу, что, судя по реплике С.П. Каблукова, секретаря РФО, было воспринято публикой неоднозначно²³. Сообщение Соловьевой (на этот раз оно было названо «О взглядах Соловьева на любовь и смерть») прошло незамеченным²⁴, и только племянник, уже ретроспективно, отметит данный эпизод: «Когда на заседании Петроградского религиозно-философского общества, посвященно<м> памяти Владимира Соловьева, по случаю десятилетия со дня его кончины, Поликсена Сергеевна прочла доклад о смысле любви в учении своего брата, многие были потрясены. Излагая учение Вл. Соловьева, Поликсена Сергеевна только произнесла свое заветное credo» [10, с. 42].

Следующее (и последнее) выступление Поликсены Соловьевой в РФО – «Несколько слов о моем брате Вл. Соловьеве» – состоялось 19 января 1913 г. на годовом (закрытом) собрании, кстати, почти совпавшем с 60-летием с дня рождения философа. В повестке оно анонсировалось как сообщение по поводу доклада Д.В. Философова «О принципе единства в Церкви», зачитанного 20 декабря 1912 г., где докладчик продолжил полемику с П.Б. Струве об отношениях православия и самодержавия, начатую в газете «Речь»²⁵. Соловьева

²³ См.: Ермичёв А.А. Религиозно-философское общество в Петербурге (1907–1917): Хроника заседаний. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2007. С. 109–110 [30].

²⁴ Так, хроникер «Нового времени», весьма критически оценив содержание трех докладов, ни словом не обмолвился о выступлении Соловьевой; обзор завершался риторическим вопросом: «Почему богоскатели, постоянно кричащие об единственном самобытном русском философе, не в состоянии хотя легкими штрихами очертить эту фигуру?» (см.: <Б.п.> Памяти Влад. Соловьева // Новое время. 1911. 22 янв. (4 февр.). № 12523. С. 14 [31]).

²⁵ См.: Ермичёв А.А. Религиозно-философское общество в Петербурге (1907–1917): Хроника заседаний. С. 134–135.

присоединилась к позиции Философа–Мережковских, рассматривавших соотношение власти и Церкви в России как проявление цезарепапизма. Она поддерживала религиозно-реформаторские идеи триумvirата, которые, как она подчеркивала далее, были предвосхищены экуменическими воззрениями ее брата, мечтавшего о соединении церквей в Церкви Вселенской. Но лишь предвосхищены, потому что чаемая цель «неохристиан» «не соединение, слияние того, что есть и что временно, но возникновение новой церкви, вечного христианства с Небесным Самодержцем по главе». Последовавшее затем бурное обсуждение, спровоцированное не столько докладом, который был прочитан, как писали в прессе, «с чувством, искренностью и выразительной простотой»²⁶, сколько сумбурным выступлением очередного оратора, Е.П. Иванова, запутавшегося в доказательствах своей излюбленной идеи – существования в православии «двоеверия», подробно описано в газетных отчетах и обстоятельно реконструировано В.Г. Белоусом²⁷. В статье, предваряющей недавнюю публикацию писем З.Н. Гиппиус к П.С. Соловьёвой, эта речь была рассмотрена в контексте отношений сестры философа с кругом деятелей «нового религиозного сознания»²⁸. Сближение Соловьёвой с Мережковскими, наметившееся еще во второй половине 1890-х годов, Вл. Соловьёв, по свидетельству племянника, решительно не одобрял, как и «увлечение младшей сестры новыми течениями»²⁹. Сам же С.М. Соловьёв, с юности критически настроенный к проявлениям модернистского жизнотворчества, что, безусловно, усилилось с его воцерковлением и принятием священнического сана, считал влияние Мережковских на Поликсену искусительным как в идеологическом, так и в нравственном смысле. «Близость с З.Н. Гиппиус, – писал он в своей мемуарной книге, – растлевающе подействовала на ее мирозерцание, она была временно отравлена ее безжизненными схемами... И только в последние годы, отрешаясь от чуждых влияний, она явилась передо мной в ярком свете добра и подлинной, живой поэзии» [4, с. 71–72].

²⁶ Жилкин И. Около религии // Русская молва. 1913. 21 янв. № 41. С. 2 [32].

²⁷ См.: Белоус В. Об одном инциденте в Петербургском Религиозно-философском обществе и его последствиях // На рубеже двух столетий: сборник в честь 60-летия Александра Васильевича Лаврова. М.: Новое литературное обозрение, 2009. С. 55–69 [33].

²⁸ См.: Письма З.Н. Гиппиус к П.С. Соловьёвой (1901–1914) / вступ. статья, подгот. текста и примеч. О.А. Блиновой // Литературное наследство. Т. 106: Эпистолярное наследие З.Н. Гиппиус: в 2 кн. Кн. 1. М.: ИМЛИ РАН, 2018. С. 865 [34]. Подписав вместе с Мережковскими и Философовым «Письмо в редакцию» газеты «Речь» (1911. 22 окт. № 12783) против антисемитских выступлений в прессе, Соловьёва оказалась вовлечена в публичную полемику с В.В. Розановым (см. его фельетон «Отюди, сатана»), который некорректно использовал имя философа в контексте рассуждений о «нации» и «национализме». Это послужило поводом к общественной обструкции Розанова и сомнениям в праве считать его членом РФО (см.: Ермичëв А.А. Религиозно-философское общество в Петербурге (1907–1917): Хроника заседаний. С. 118–119).

²⁹ См.: Соловьёв С.М. Жизнь и творческая эволюция Владимира Соловьёва. С. 42. Нелицеприятный портрет Вл. Соловьёва периода их петербургского знакомства дан З. Гиппиус в мемуарном очерке, посвященном его младшей сестре (см.: Гиппиус З. Поликсена Соловьёва. С. 408–410).

Похоронена Поликсена Сергеевна в Москве, на кладбище Новодевичьего монастыря, рядом с могилами братьев и отца.

Ниже публикуется полный текст доклада П.С. Соловьевой «Несколько слов о моем брате Вл. Соловьеве» по автографу, хранящемуся в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки: Ф. 723 (архив П.С. Соловьевой). Ед. хр. 3. Л. 2-9 (обороты листов не заполнены).

Рукопись вложена в картонную обложку, на лицевой ее стороне (Л. 1) справа вверху монограмма и дата: ПС. 19¹²₁13, посередине – заглавие «Несколько слов о моем брате Вл. Соловьеве», далее пояснение: «Было прочтено в собрании Религиозно-философского Общества в Петербурге / 19-го января 1913 года / (Единственный экземпляр)»; под текстом – подпись: «П. Соловьева». В архиве сохранились также два карандашных портрета философа работы П.С. Соловьевой (Ф. 723. Ед. хр. 67)³⁰.

Список литературы

1. Глебов Ю.И., Сапожков С.В. Соловьева Поликсена Сергеевна // Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь. М.: Большая Российская энциклопедия, 2007. Т. 5. С. 759–762.
2. Купченко В. «И где слагала стих Allegro...»: Крымские годы Поликсены Соловьевой // Крымский альбом: историко-краеведческий и литературно-художественный альманах. Феодосия; М.: Коктебель, 1996. Вып. 1. С. 218–226.
3. Шапошников М.Б. Кочевники красоты. М.: БОСЛЕН, 2016. 240 с.
4. Соловьев С. Воспоминания. М.: Новое литературное обозрение, 2003. 496 с.
5. Гиппиус З. Поликсена Соловьева // Гиппиус З. Собр. соч.: в 15 т. М.: Изд. «Дмитрий Сечин», 2012. Т. 13. С. 408–416.
6. Волошина М. (Сабашникова М.В.). Зеленая Змея. История одной жизни / пер. с нем. М.Н. Жемчужниковой. М.: Энигма, 1993. 411 с.
7. Белый Андрей. Начало века. М.: Худож. лит., 1990. 712 с.
8. Русская эпиграмма (XVIII – начало XX века). Л.: Сов. писатель, 1988. 784 с.
9. Соловьева П. Автобиографическая заметка // Русская литература XX века. 1890–1910 / под ред. проф. С.А. Венгерова; послесл., подгот. текста А.Н. Николюкина. М.: Республика, 2004. С. 500–504.
10. Соловьев С.М. Жизнь и творческая эволюция Владимира Соловьева. М.; Берлин: Ди-рек-Медиа, 2019. 599 с.
11. Блок А.А. П. Соловьева (Allegro). Иней // Блок А.А. Полн. собр. соч.: в 20 т. Т. 7: Проза (1903–1907). М.: Наука, 2003. С. 157–159.
12. Обатнин Г.В. Заметки комментатора // Новое литературное обозрение. 1994. № 10 (Историко-литературная серия. Вып. 1: Вячеслав Иванов: Материалы и публикации / сост. Н.В. Котрелев). С. 292–294.
13. Иванов Вяч. Поликсена Соловьева (Allegro) в песне и думе // Русская литература XX века. 1890–1910 / под ред. проф. С.А. Венгерова; послесл., подгот. текста А.Н. Николюкина. М.: Республика, 2004. С. 504–511.
14. Соловьева П. (Allegro). Тайная правда и другие рассказы. СПб.: Изд. т-ва М.О. Вольф, 1912. 148 с.
15. Соловьева П.С. Письма к А.М. Калмыковой // РГАЛИ. Ф. 258. Оп. 3. Ед. хр. 126.

³⁰ Воспроизведены в книге: Смирнов М. Последний Соловьев. М.: Прогресс-Традиция, 2014 [35].

16. Матич О. Эротическая утопия: новое религиозное сознание и fin de siècle в России. М.: Новое литературное обозрение, 2008. 396 с.
17. Cooper N.L. Secret Truths and Unheard-of Women: Poliksena Solovyova's Fiction as Commentary on Vladimir Solovyov's Theory of Love // *The Russian Review*. 1997. Vol. 56, № 2. P. 178–191.
18. Binswanger Ch. Seraph, Carevič, Narr: Männliche Maskerade und weibliches Ideal bei Polixena Solowjowa (Allegro). Bern [et al.]: Peter Lang Verlag, 2003. 437 s. (Slavica Helvetica; Bd. 68).
19. Эконен К. Творец, субъект, женщина: стратегии женского письма в русском символизме. Univ. of Tampere, 2009. 445 с.
20. Спендель Д. Строительницы струн: женщина, творчество, литература. СПб.: Петербург – XXI век, 2007. 210 с.
21. Мережковский Д.С. Немой пророк // Мережковский Д.С. В тихом омуте. СПб., 1908. С. 257–282.
22. Поликсена Сергеевна Соловьёва (Allegro) // Первые литературные шаги: автобиографии современных русских писателей / сост. Ф.Ф. Фидлер. М.: Тип. т-ва И.Д. Сытина, 1911. С. 91–94.
23. Соловьёва П.С. Письма к А.Н. Сальникову // РО ИРЛИ. Ф. 357. Оп. 5. Ед. хр. 109.
24. Русские поэты за сто лет (с пушкинской эпохи до наших дней) в портретах, биографиях и образцах: Сборник лучших лирических произведений русской поэзии (с 119 портретами) / сост. А.Н. Сальников. СПб.: Изд. В.И. Губинского, 1901. 600 с.
25. Соловьёва П.С. Письма к Э.Л. Радлову // РО ИРЛИ. Ф. 252. Оп. 2. Ед. хр. 1488.
26. <Б. п.> Вечер памяти Вл.С. Соловьёва // Речь. 1910. 13 (26) дек. № 342.
27. Письма Александра Блока к родным: в 2 т. Т. 2. М.: Academia, 1932. 547 с.
28. Блок А.А. Рыцарь-монах // Блок А.А. Полное собр. соч.: в 20 т. Т. 8: Проза (1908–1916). М.: Наука, 2010. С. 136–142.
29. <Б. п.> Чествование памяти Вл.С. Соловьёва // Речь. 1910. 15 (28) дек., № 344.
30. Ермичёв А.А. Религиозно-философское общество в Петербурге (1907–1917): Хроника заседаний. СПб. Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2007. 326 с.
31. <Б. п.> Памяти Влад. Соловьёва // Новое время. 1911. 22 янв. (4 февр.). № 12523.
32. Жилкин И. Около религии // Русская молва. 1913. 21 янв. № 41.
33. Белоус В. Об одном инциденте в Петербургском Религиозно-философском обществе и его последствиях // На рубеже двух столетий: сборник в честь 60-летия Александра Васильевича Лаврова. М.: НЛЮ, 2009. С. 55–69.
34. Письма З.Н. Гиппиус к П.С. Соловьёвой (1901–1914) / вступ. ст., подгот. текста и примеч. О.А. Блиновой // Литературное наследство. Т. 106: Эпистолярное наследие З.Н. Гиппиус: в 2 кн. Кн. 1. М.: ИМЛИ РАН, 2018. С. 858–888.
35. Смирнов М. Последний Соловьёв. М.: Прогресс-Традиция, 2014. 304 с.

References

(Sources)

Collected Works

1. *Russkaya epigramma (XVIII – nachalo XX veka)* [Russian epigram (XVIII – early XXth century)]. Leningrad: Sovetskiy pisatel', 1988. 784 p.
2. Sal'nikov, A.N. (ed.) *Sbornik luchshih liricheskikh proizvedenij russkoj poezii (s 119 portretami)* «Russian poets for a long time (s pushkinskoy epohi do nashih dnei) v portretah, biografiiyah i obrazcah» [Collection of the best lyrical works of Russian poetry (with 119 portraits) “Russian poets for a long time (from the Pushkin era to our days) in portraits, biographies and images”]. Saint-Petersburg: Izdanie V.I. Gubinskogo, 1901. 600 p.

Individual works

3. Belyy, Andrey. *Nachalo veka* [Beginning of the century]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura, 1990. 712 p.
4. Blok, A.A. P. Solov'eva (Allegro). Iney [P. Solovyova (Allegro). Rime rice], in Blok, A.A. *Polnoe sobranie sochineniy i pisem v 20 t., t. 7: Proza (1903–1907)* [Complete works and letters in 20 vols., vol. 7: Prose (1903–1907)]. Moscow: Nauka, 2003, pp. 157–159.
5. Blok, A.A. Rytsar'-monakh [Knight Monk], in Blok, A.A. *Polnoe sobranie sochineniy i pisem v 20 t., t. 8: Proza (1908–1916)* [Complete works and letters in 20 vols., vol. 8: Prose (1908–1916)]. Moscow: Nauka, 2010, pp. 136–142.
6. <B. p.> Chestvovanie pamyati Vl.S. Solov'eva [Honoring the memory of Vl.S. Solovyov], in *Rech'*, 1910, 15 (28) Dec, № 344.
7. <B. p.> Vecher pamyati Vl.S. Solovyova [Evening in memory of Vl.S. Solovyov], in *Rech'*, 1910, 13 (26) Dec., no. 342.
8. <B. p.> Pamyati Vlad. Solov'eva [In memory of Vlad. Solovyov], in *Novoe vremya*, 1911, 22 Janv. (4 Febr.), no. 12523.
9. Gippius, Z. Poliksena Solov'eva [Polixena Solovyova], in Gippius, Z. *Sobranie sochineniy v 15 t., t. 13* [Collected works in 15 vols., vol. 13]. Moscow: Izdatel'stvo «Dmitriy Sechin», 2012, pp. 408–416.
10. Ivanov, Vyach. Poliksena Solov'eva (Allegro) v pesne i dume [Polixena Solovyova (Allegro) in song and thought], in *Russkaya literatura XX veka. 1890–1910* [Russian Literature of XXth century]. Moscow: Respublika, 2004, pp. 504–511.
11. Merezhkovskiy, D.S. Nemoy prorok [The Silent Prophet], in Merezhkovskiy, D.S. *V tihom omute* [A Still Pool]. Saint-Petersburg, 1908, pp. 257–282.
12. *Pis'ma Aleksandra Bloka k rodnym: v 2 t., t. 2* [Letters of Alexander Blok to his relatives: in 2 vols., vol. 2]. Moscow: Academia, 1932. 547 p.
13. Pis'ma Z.N. Gippius k P.S. Solov'evoy (1901–1914) [Letters of Z. Gippius to P. Solovyova (1901–1914)], in *Literaturnoe nasledstvo. T. 106. Epistol'arnoe nasledie Z.N. Gippius. V 2 kn. Kn. 1* [Literary Heritage. Vol. 106. Epistolary heritage of Z.N. Gippius. In 2 books. Book 1]. Moscow: IMLI RAN, 2018, pp. 858–888.
14. Poliksena Sergeevna Solov'eva (Allegro) [Polixena Solovyova (Allegro)], in *Pervye literaturnye shagi: avtobiografii sovremennykh russkikh pisateley* [First literary steps: autobiographies of modern Russian writers]. Moscow: Tipografiya tovarishchestva I.D. Sytina, 1911, pp. 91–94.
15. Solov'ev, S. *Vospominaniya* [Memories]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2003. 496 p.
16. Solov'ev, S.M. *Zhizn' i tvorcheskaya evolyutsiya Vladimira Solov'eva* [The life and creative evolution of Vladimir Solovyov]. Moscow; Berlin: Direk-Media, 2019. 599 p.
17. Solov'eva, P. Avtobiograficheskaya zametka [Autobiographical note], in *Russkaya literatura XX veka. 1890–1910* [Russian Literature of XXth century]. Moscow: Respublika, 2004, pp. 500–504.
18. Solov'eva, P.S. Pis'ma k A.M. Kalmykovoy [Letters to A. Kalmykova], in *RGALI. F. 258. Op. 3. N 126*.
19. Solov'eva, P.S. Pis'ma k E.L. Radlovu [Letters to E. Radlov], in *Manuscripts Dept. of IRLI. F. 252. Op. 2. N 1488*.
20. Solov'eva, P.S. Pis'ma k A.N. Sal'nikovu [Letters to A. Sal'nikov], in *Manuscripts Dept. of IRLI. F. 357. Op. 5. N 109*.
21. Solov'eva, P. (Allegro). *Taynaya pravda i drugie rasskazy* [The Secret Truth and Other Stories]. Saint-Petersburg: Izdatel'stvo "Tovarishchestvo M.O. Vol'f", 1912. 148 p.
22. Voloshina, M. (Sabashnikova, M.V.). *Zelenaya Zmeya. Istoriya odnoy zhizni* [Green Snake. The Story of One Life]. Moscow: Enigma, 1993. 411 p.
23. Zhilkin, I. Okolo religii [Near the Religia], in *Russkaya molva*, 1913, 21 Janv., no. 41.

(Articles from Scientific Journals)

24. Cooper, N.L. Secret Truths and Unheard-of Women: Poliksena Solovyova Fiction as Commentary on Vladimir Solovyov's Theory of Love, in *The Russian Review*, 1997, vol. 56, no. 2, pp. 178–191.

25. Obatnin, G.V. Zаметки комментатора [Commentator's Notes], in *Novoe literaturnoe obozrenie*, 1994, no. 10, pp. 292–294.

(Articles from Proceedings and Collections of Research Papers)

26. Belous, V. Ob odnom intsidente v Peterburgskom Religiozno-filosofskom obshchestve i ego posledstviyakh [About one incident in the St. Petersburg Religious-Philosophical Society and its consequences], in *Sbornik «Na rubezhe dvukh stoletiy» v chest' 60-letiya Aleksandra Vasil'evicha Lavrova* [Collection “At the Turn of Two Centuries” in Honor of the 60th Anniversary of Alexander Vasilyevich Lavrov]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2009, pp. 55–69.

27. Glebov, Yu.I., Sapozhkov, S.V. Solov'eva Poliksena Sergeevna [Polixena Solovyova], in *Russkie pisateli. 1800–1917: Biograficheskiy slovar'. T. 5* [Russian writers. 1800–1917. Biographical dictionary. Vol. 5]. Moscow: Bol'shaya Rossiyskaya entsiklopediya, 2007, pp. 759–762.

28. Kupchenko, V. «I gde slagala stikh Allegro...»: Krymskie gody Polikseny Solov'evoy [“And where composed the verse Allegro...”: The Crimean years of Polixena Solovyova], in *Krymskiy al'bom: istoriko-kraevedcheskiy i literaturno-khudozhestvennyy al'manakh. Vyp. 1* [Crimean Album: Historical, Regional and Literary-Artistic Almanac, iss. 1]. Feodosiya; Moscow: Koktebel', 1996, pp. 218–226.

(Monographs)

29. Binswanger, Ch. *Seraph, Carevič, Narr: Männliche Maskerade und weibliches Ideal bei Polixena Solowjowa (Allegro)*. Bern [et al.]: Peter Lang Verlag, 2003. 437 p. (Slavica Helvetica; Bd. 68).

30. Ekonen, K. *Tvoret's, sub"ekt, zhenshchina: strategii zhenskogo pis'ma v russkom simvolizme* [Creator, Subject, Woman: Strategies of Female Writing in Russian Symbolism]. Univ. of Tampere, 2009. 445 p.

31. Ermichev, A.A. *Religiozno-filosofskoe obshchestvo v Peterburge (1907–1917): Khronika zasedaniy* [Religious and Philosophical Society in St. Petersburg (1907–1917): Chronicle of meetings]. Saint-Petersburg: Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta, 2007. 326 p.

32. Matich, O. *Eroticheskaya utopiya: novoe religioznoe soznanie i fin de siècle v Rossii* [Erotic Utopia: New Religious Consciousness and fin de siècle in Russia]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2008. 396 p.

33. Shaposhnikov, M.B. *Kochevniki krasoty* [Nomads of the beauty]. Moscow: BOSLEN, 2016. 240 p.

34. Smirnov, M. *Posledniy Solov'ev* [The Last Solovyov]. Moscow: Progress-Traditsiya, 2014. 304 p.

35. Spendel', D. *Stroitel'nitsy strun: zhenshchina, tvorchestvo, literature* [String Builders: Woman, Creativity, Literature]. Saint-Petersburg: Petersburg–XXI vek, 2007. 210 p.